

Татьяна Солодкова

ЯБЛОЧНЫЙ СНЕГ 2

Татьяна Солодкова

Яблочный снег 2

«Автор»

2026

Солодкова Т.

Яблочный снег 2 / Т. Солодкова — «Автор», 2026

Я очнулась в больнице с травмой головы и потерей памяти. «Яблочный снег» — единственное, что мне удалось не забыть. Этот десерт мы готовили вместе с мамой, когда я была маленькой. Вот только женщина, назвавшаяся моей матерью, не помнит ничего подобного. Теперь мне предстоит выяснить, что произошло, и найти способ избавиться от назойливого призрака, который преследует меня с момента пробуждения. Главное — не отвлекаться на чувства к тому, кто, кажется, считает меня сумасшедшей.***Внимание: 2 часть дилогии. Читать следует по порядку.

© Солодкова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	36
Гл	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Солодкова

Яблочный снег 2

Глава 1

Каковы шансы однажды прийти в себя в ночном парке в компании призрака и обнаружить, что ничего не помнишь? А на то, что любящий муж при попытке уйти от него радостно возьмет вас в охапку и отвезет жить к другому мужчине? Как по мне, вероятность того и другого стремится к нулю.

Мне же выпал настоящий джекпот.

И вот мы оказались там, где оказались, — в небольшой квадратной прихожей. Стоим, как вершины равностороннего треугольника, и смотрим друг на друга: вершина растерянная (я), вершина недовольно-обреченная (Елагин) и вершина чрезвычайно довольная собой (Кондрашов).

И нет ничего удивительного, что тот, кто все это устроил, самый пышущий энтузиазмом и бодрый из нас, отмирает первым.

— Ой, а ноутбук в машине забыли! — спохватывается Руслан и бросается к двери. — Как же ты свои комедии-то смотреть будешь?! — долетает уже из подъезда.

По ногам проносится сквозняк, и дверь хлопает, отрезая собой звуки быстрой поступи Кондрашова по лестнице — даже лифта не дождался.

А я, воспользовавшись моментом, вскидываю на Елагина, должно быть, совершенно безумные глаза.

— Ты что наделал? Зачем согласился? — налетаю на него, даже не пытаюсь скрыть, что сейчас чувствую.

В конце концов, последние дни мы общались более-менее по-дружески, да и с понедельника нам снова предстоит работать в паре. Какое уж тут притворство?

— Я — «что наделал»? — огрызается Елагин, прожигая меня взглядом темных до черноты глаз. — Это не я крутанул хвостом и довел Руслана своими закидонами чуть ли не до икоты!

«Крутанул хвостом»? «Закидоны»?!

— Наша личная жизнь не твое дело! — рявкаю в сердцах, сжимая ладони в кулаки. — Ты должен был ему отказать!

Господи, да я в панике. Это у меня сейчас начнется икота. Зачем я переступила порог? Надо было бежать, как только поняла, куда меня привезли.

Но нет, я настолько растерялась, что вошла сюда своими ногами, как телок на привязи. Безвольная овца на закланье!

Как можно было, спасаясь от совместной жизни с одним едва знакомым мужчиной, загреметь в совместное проживание с другим, знакомым еще меньше? Это же бред!

— Отказаться, правда? — издевательски тянет Елагин, демонстративно скрестив руки на груди и глядя на меня сверху вниз. — А ты знаешь такую поговорку: иногда проще согласиться, чем объяснить, почему нет? Не нравится — хватай чемодан и беги следом за мужем.

Упрямо мотаю головой.

— Не побегу.

— А нет, так проходи и располагайся. Поживешь пару дней, помиритесь — и съедешь.

Так, значит, он думает? Пара дней?

Прищуриваюсь.

— А если понадобится дольше?

В ответ Паша закатывает глаза.

— Дольше так дольше. Живи — если не будешь бегать голой по квартире, как в свой прошлый визит.

Широко и возмущенно распахиваю глаза. Получаю в ответ не менее возмущенный взгляд.

— Это только ради Руслана, — твердо произносит Елагин, завершая наш бесполезный спор.

После чего разворачивается и уходит из прихожей в глубь квартиры. А я остаюсь стоять с чемоданом у ног и все еще в верхней одежде и обуви.

Бросаю взгляд на дверь. А может...

— Оль, не дури. — Призрак появляется передо мной так внезапно, что я вздрагиваю. Смотрю на него исподлобья с немим посылом «И ты, Брут?» и молчу. Правда, Ярослав мой убийственный взгляд игнорирует. — Ты в реальной опасности. А звание самоубийцы в нашей с тобой паре уже занято, — напоминает с невеселой улыбкой.

И это... действует отрезвляюще.

Он прав, я не имею права рисковать своей жизнью, пока не помогла ему доказать, что он не сам себя убил.

Ярослав серьезно и непривычно взросло вглядывается в мое лицо, а меня хватает только на то, чтобы надломленно кивнуть.

Сбрасываю ботинки, вешаю пуховик на крючок и, оставив чемодан в прихожей, иду вслед за ушедшим Елагиным. В отсутствие тапочек ноги в носках беззвучно ступают по деревянному полу.

Паша обнаруживается на кухне. Вернее, в кухне-гостиной. У него, как и у нас, это пространство объединено, только скромнее обставлено и само помещение гораздо меньше — видимо, его папа не депутат...

Когда я вхожу, Елагин стоит ко мне спиной, опершись вытянутыми руками на столешницу и опустив голову. Нетерпеливо постукивает пальцами в ожидании, когда закипит чайник. Тот уже громко шипит, но кипеть не торопится, чего не скажешь о его владельце.

Да уж, отвратительно вышло...

— Извини, — говорю, без приглашения присаживаясь на диван, расположенный «лицом» к кухонной зоне. У нас кухню и гостиную разделяет высокая барная стойка. Здесь же деления, по сути, нет: кухонный гарнитур вдоль стены, круглый обеденный стол с всего двумя стульями и сразу — диван.

— И ты извини, — откликается Паша, не поворачиваясь. — За напоминание про «голый визит».

Пожимаю плечом, хотя он на меня по-прежнему не смотрит.

— Я все равно о нем знаю только с твоих слов.

Елагин хмыкает.

— Вот поэтому и извинился. — Наконец чайник закипает, отщелкивает кнопкой, а из его носика валит густой белесый пар. — Чай, кофе будешь? — неожиданно буднично спрашивает Паша, подхватывая чайник с подставки и поворачиваясь ко мне с ним в руке.

— Кофе, — осторожно улыбаюсь.

Буря миновала?

Весьма короткая буря, надо признать, учитывая, что я свалилась человеку на голову в выходной день и объявила, что теперь мы будем жить вместе. Не я, конечно, объявляла, но тем не менее.

— Кофе растворимый, — предупреждает Елагин. — Зерна кончились, в магазин не побегу.

— Мой любимый, — отвечаю, улыбаясь немного увереннее.

Паша усмехается, качает головой, прекрасно узнав свои же слова, только вчера сказанные Тамаре Васильевой. Тянется к шкафу с чашками...

В этот момент хлопает дверь, а в прихожей слышится возня.

— Лучше помирись прямо сейчас и поезжайте домой, — шепотом советует Елагин, стрельнув глазами в сторону прихожей.

— Лучше помоги снять проклятие, и я немедленно уберусь восояси, — отвечаю ему в тон.

А в следующее мгновение из прихожей выплывает Кондрашов с сумкой для ноутбука в одной руке и бумажным пакетом с эмблемой известной сети кондитерских в другой.

— А я нам плюшек купил! — объявляет торжественно. — Держи, зай, — протягивает мне ноутбук.

Автоматически принимаю и кладу себе на колени. Большой, но легкий. Надо же, я понятия не имела, что у меня есть свой компьютер. Ни разу не видела и не брала в руки.

— Комедии и мелодрамы буду смотреть, говоришь... — задумчиво бормочу, в общем-то, ни к кому не обращаясь.

Но Кондрашов слышит, расплывается в улыбке и с энтузиазмом кивает.

— Конечно, зай.

— Интере-е-сно, — меланхолично тянет призрак, устроившись на спинке дивана у моего плеча, — он когда-нибудь запомнит, что ты предпочитаешь триллеры, боевики и ужастики?

— Вряд ли, — отвечаю на полном серьезе.

А я, наверное, и правда все же лучше предпочту остаться здесь, чем снова буду пытаться играть в семью с человеком, который меня даже не слышит.

Глава 2

Кофе с плюшками, как выразился Кондрашов (на самом деле это слойки с повидлом, а я не люблю сладкое), плавно перетекает к заказанной на поздний обед пицце.

Все это время Руслан чувствует себя как дома и явно не собирается уходить. А я по-прежнему сижу на диване, не зная, куда себя деть. И пока мужчины прекрасно общаются между собой, все, что мне остается, — снова и снова задаваться вопросом, что я тут делаю.

Зачем уходить от мужа... с мужем? Это какой-то театр абсурда!

Не выдерживаю и сбегая в туалет. В третий раз за последний час. Не потому, что мне нужно, а потому, что скоро сойду с ума от бесконечного трепы и хохота Кондрашова, никак не берущего в толк, что ему пора домой.

С другой стороны, он уедет, а я останусь с Елагиным наедине.

Мы, конечно, уже много раз оставались с ним вдвоем, не считая призрака. Но это было иначе — по работе. Сейчас же я на его территории, навязанная чуть ли не силой бестактным другом, уровень эмпатии которого не больше, чем у слона в посудной лавке.

Господи, о чем я только думала, когда дала на это согласие? Может, все же сбежать?

Однако вопрос, какой в побеге смысл, остается по-прежнему открытым. Просто уйти, чтобы выразить свой протест и наклепать на свою голову еще миллион проблем, последствия которых предугадать невозможно? Мне же не пятнадцать лет, в самом-то деле.

Поэтому, бросив тоскливый взгляд на свой чемодан, все так же стоящий, забытый всеми, посреди прихожей, прохожу мимо и закрываюсь в санузле. Сажусь на крышку унитаза, упираю локти в колени и прячу лицо в ладонях.

Как же я влипла-то...

Может, приходит мне в голову малодушная мысль, ну это все? Выйти, сказать, что неудачно пошутила, извиниться перед Русланом и вернуться с ним вместе домой?

А через пару дней он снова полезет ко мне с нежностями, я опять начну отбиваться, и все повторится...

«Но можно же не отбиваться и потерпеть», — ехидно подсказывает внутренний голос. Много-то он понимает.

— Да пошел ты, — шепчу ему вслух. — Не стану я притворяться.

— Ты это мне? — тут же раздается другой голос неподалеку.

— Слава, блин! — вскидываю голову. — Я же в туалете!

Проявившийся напротив меня призрак страдальчески закатывает глаза, мол, ну чего ты опять.

А я — да, опять. Не заходить ко мне, когда я в ванной, не просто основное правило нашего с ним «сожительства» — оно единственное!

Ярослав же, прекрасно знающий, что я не могу долго на него злиться (да я и не злюсь на самом деле, скорее возмущаюсь), с легкостью игнорирует мой тяжелый взгляд и подходит ближе. Усаживается на коврик на полу, по-турецки подобрав под себя ноги, и поднимает на меня глаза.

— Что делать-то будем?

«Будем», а не «будешь» — звучит и приятно, и грустно одновременно. Приятно, потому что только еще раз подтверждает, что я не одна и мне по крайней мере всегда есть с кем поговорить. Грустно — потому что со мной Слава далеко не по своей воле.

— Для начала — мы будем спрашивать, можно ли войти, если я в туалете, — ворчу для порядка, но он продолжает серьезно смотреть на меня снизу вверх в ожидании ответа.

А я... Не знаю, что ему сказать. И что делать, тоже не имею ни малейшего понятия.

Поэтому просто пожимаю плечом.

— Останемся? — звучит так, будто спрашиваю. Ярослав хмурится, и я прочищаю горло и говорю тверже: — Останемся. — И уже тише: — Куда деваться-то.

Зато призраку мой ответ приходится по душе, и он сразу расплывается в довольной улыбке.

— Ну вот и ладушки, — заявляет беспечно и, закинув руки за голову, растягивается на полу во весь рост, будто лег в поле позагорать.

Смотрю на него исподлобья.

— В смысле «ладушки»? — спрашиваю подозрительно. — Что в этом хорошего?

— А что плохого? — Перекидывает ногу на ногу и болтает ей в воздухе. Для полноты образа ему не хватает только травинки в зубах. — Лично мне Елагин нравится куда больше, чем Кондрашов. Так что будем с ним добрыми соседями.

Продолжаю недоверчиво на него смотреть. Нет, не притворяется: и правда доволен. Надо же...

— Новосибирск.

— Калуга.

— Астрахань.

Так и сидим с Ярославом в ванной.

Когда он предложил сыграть в города, сперва я скептически фыркнула. А потом неожиданно для себя самой втянулась. Так в любом случае веселее, чем сидеть на диване и чувствовать себя третьей лишней.

— Н-н-н... — тяну, стараясь скорее вспомнить очередной город на эту букву.

То, что призрак с донельзя довольной физиономией загибает пальцы, ведя отсчет секунд, скорости воспоминания не способствует, но я стараюсь не упасть в грязь лицом. Ничего, будет и на моей улице праздник — скоро моя очередь отсчитывать.

— Находка! — додумываюсь наконец.

— Э-э... — морщит лоб Ярослав. — Это где такой?

— На Дальнем Востоке.

— Л-ла-а-адно. — Смотрит недоверчиво, но ответ принимает. — Тогда-а-а... Абакан!

Опять на «Н», да что ж такое...

От необходимости напрягать мозги, кажется, совсем отвыкшие от сложной мыслительной деятельности, меня спасает стук в дверь.

Опасливо переглядываемся с призраком. Кто-то захотел в туалет? Или Кондрашов заметил мое отсутствие и решил позвать обратно?

Однако опасуюсь я совершенно зря — снаружи раздается голос Елагина:

— Выходи! Он уехал!

И я, выдохнув с облегчением, иду открывать.

К моему ужасу, квартира Елагина состоит всего из одной комнаты, кухни-гостиной и совмещенного санузла, из которого я только что выбралась. Нигде не прячется ни потайной двери, ни дополнительного помещения.

— Это что же, — растерянно смотрю на аккуратно застеленную коричневым пледом кровать в комнате, куда Паша меня привел, — ты отдаешь мне свою спальню?

Он в ответ одаривает меня тяжелым взглядом. Ставит мой чемодан на пол.

— В ванной ты жить не будешь, даже если она тебе приглянулась.

— Бгг, смешно, — комментирует призрак.

За что тоже достаивается убийственного взгляда — от меня.

— Я могу спать в гостиной на диване, — напоминаю.

Паша кривится.

— И визжать, натягивая одеяло на голову, если мне захочется ночью пройти мимо в туалет? — уточняет, язвительно изогнув бровь.

— По-моему, ты больше опасаясь, что я выпрыгну из одеяла в чем мать родила, — огрызаюсь в ответ.

— Один-один, — усмехается, приподняв руки, сдаваясь. — Но оба варианта меня не устраивают. Поэтому ты спишь здесь. Доходчиво?

— Вполне, — буркаю, скрестив руки на груди. — Но это все равно неправильно.

Как и мое присутствие здесь в принципе.

— Переживу, — отмахивается Елагин, явно давая понять, что тему, кто где спит, он продолжать не намерен. Подходит, сгребает постель вместе с покрывалом и подушкой с кровати. — В шкафу справа — чистое белье и полотенца. Еще одна подушка есть внутри, — так как руки у него теперь заняты, толкает ногой кроватьную боковину, — там ящик. Что еще надо — спрашивай. — После чего разворачивается и направляется к двери с ворохом постельных принадлежностей под мышкой.

А я некоторое время так и стою возле своего чемодана, все еще оглушенная его решением отдать мне единственную спальню.

— Так и не спросишь, что у нас с Русланом произошло? — В итоге мой вопрос прилетает ему в спину, когда он уже почти за порогом. — Мою версию?

Паша оборачивается через плечо, смотрит на меня устало.

— Вы меня и так достали. Веришь? — Медленно киваю. — Вот и отлично. Добро пожаловать.

Выходит. Дверь спальни хлопает.

— Он сказал «добро пожаловать», — замечает Ярослав. — Это хорошее начало.

Обалденное просто.

— Да уж, — вздыхаю и, смирившись со своей участью, направляюсь к шкафу, где, как сказал Елагин, хранится постельное белье.

После бессонной ночи мне не помешает выспаться.

Да и, если лягу спать пораньше, не буду лишний раз мозолить глаза хозяину квартиры.

Глава 3

Утром в понедельник дорога на службу проходит в молчании. Все так же шумит климат-контроль, поет радио, сзади глазаеет в окно Ярослав, постоянно пытающийся разглядеть что-то знакомое в городском пейзаже, но... былой легкости нет.

На той неделе я не хотела выходить из салона этого автомобиля, лишь бы подольше не возвращаться домой. Теперь... Не знаю. Кажется, мой переезд загубил на корню только-только зарождающиеся между мной и Елагиным дружеские отношения.

Ладно, вероятно, «дружеские» — слишком громкое заявление. Но хорошие приятельские между нами вполне могли бы сложиться.

И внезапное сожительство им точно не на пользу...

Вчерашний день вообще показался бесконечным в самом плохом смысле этого слова. Паша, вынужденный теперь жить на собственной кухне, провел его на диване, то пялясь в телевизор, то копаясь в ноутбуке или телефоне. Я видела, каждый раз желая провалиться сквозь землю, когда проходила мимо в ванную или попить.

За все воскресенье единственное, что сказал мне хозяин квартиры: «Чувствуй себя как дома, но не забывай, что в гостях». И еще: «Бери и ешь все, что найдешь в холодильнике».

Почти весь день я стеснялась, но голод не тетка, и вечером, смирив свою гордыню, таки полезла инспектировать кухонные шкафы и обозначенный ранее холодильник. Паша никак это не прокомментировал, я набрала провизии и снова скрылась в спальне.

В остальное время спала, обсуждала с Ярославом его убийство, которое наверняка вовсе не само-, его странную дружбу со Звонаревым-младшим, отъезд пожилой матери, который произошел совершенно не вовремя, строила теории заговора, сбрасывала звонки Руслана и прислушивалась к тому, что творится за дверью. Но там было тихо и не слышно ничего, кроме бормотания телевизора и периодических щелчков закипевшего чайника.

А потом я снова спала, спала...

Что сказать? Выспалась я за эти выходные на славу. Да так, что встала этим утром раньше, чем в кухне-гостиной прозвенел будильник Елагина. Затем обнаружилось, что в доме шаром покати и закончился даже кофе, и мы, злые и голодные, поехали в отдел.

Вернее, мне кажется, что Паша злится. Потому что все время молчит. А я чувствую себя преступницей, покусившейся на его территорию, так что не решаюсь начать разговор первой.

От нечего делать достаю из кармана телефон и отключаю режим полета, в который пришлось перевести аппарат, чтобы отделаться от бесконечных звонков Руслана, и с ужасом наблюдаю, как в мессенджер начинают падать не дошедшие вчера сообщения. Десять... Пятнадцать... Сорок... Пятьдесят восемь! Пятьдесят восемь, чтоб у него мозги на место встали, сообщений. Он вообще в себе?!

«Зая, ты как?», «Малышка, я по тебе скучаю...», «Олик, а ты не знаешь, где мой серый свитер?», «Заюш, спишь?»...

Бегло пролистываю сообщения, чувствуя, что если Паша просто злится из-за упавшего ему на голову балласта в моем лице, то я теперь просто в ярости. И когда значок с количеством непрочитанных сообщений наконец исчезает, показывая, что я пролистала все пятьдесят восемь, замираю с занесенным над экраном пальцем, где система переспрашивает, точно ли я хочу заблокировать этого абонента. Да, черт возьми!

То есть не бери... То есть... Боже!

— Ты как хочешь, а я сейчас сдохну без кофе, — вдруг произносит Елагин, перестраиваясь вправо.

И я, так и не заблокировав номер Кондрашова, торопливо убираю телефон обратно в карман. После чего поворачиваюсь к Паше.

— Ты снова со мной разговариваешь? — уточняю осторожно.

Он следит за дорогой (утро, и движение плотное), поэтому только, хмурясь, косится в мою сторону.

— А не должен?

— Н-нет... — Получаю в ответ еще один красноречивый взгляд искоса, мол, не чокнулась ли я часом. А я не чокнулась. Я... — То есть должен, конечно, — пытаюсь исправить свой ответ. Но так еще хуже. Бровь Елагина скептически ползет вверх. Ну да, естественно, он мне ничего не должен, я не это хотела сказать. — Я имела в виду, что думала, ты на меня злишься и решил со мной не разговаривать, — наконец озвучиваю свои мысли как положено.

Паша снова бросает на меня беглый взгляд. Морщится.

— Да не злюсь я. Задолбался просто в последнее время. Не тянет болтать.

Честно говоря, у меня от его слов просто гора с плеч.

— Спасибо, — бормочу, неловко потупившись.

Что ни говори, а чувствовать себя балластом унизительно и неприятно.

— А я скажу спасибо, если ты поскорее помиришься с Русом, — откликается Паша.

Ничего удивительного, с его точки зрения, это обычная семейная ссора.

Качаю головой.

— Не думаю, что помиримся. — Елагин не отвечает, и я продолжаю больше не для него, а себе под нос: — Несмотря на то, что он прислал мне шестьдесят сообщений.

Тем не менее Паша меня прекрасно слышит.

— Мне не меньше, — буркает коротко, на сей раз даже не смотря в мою сторону.

И теперь я гораздо лучше понимаю, почему он так сильно «задолбан» после целого дня на диване.

— Я тоже очень хочу кофе, — говорю примирительно.

Елагин в ответ ухмыляется, криво и не так чтобы весело, скорее вымученно, но явно не враждебно.

— Я так и понял.

И перестраивается в самый крайний ряд.

Как говорит Агата, с кофе становится и теплее, и веселее. Во всяком случае, градус напряжения в салоне определенно падает. Никакую еду мы брать не стали, так как и без того имеем все шансы опоздать из-за очереди за напитками, в которой потеряли не меньше четверти часа, но и только с кофе жизнь кажется уже не совсем унылой.

Сижую, грею руки об еще теплый картонный стаканчик и катаю горечь американо на языке. Елагин пристроил свою порцию в подстаканник и время от времени, когда движение замедляется, отрывает руку от рулевого колеса и делает глоток. Что ж, то, что Паша порой нарушает правила безопасности во время вождения, для меня не ново.

— Эх, полцарства за стаканчик кофе, — печально вздыхает на заднем сиденье Ярослав, и я едва не захлебываюсь. Судорожно хватаю губами воздух, пытаюсь продышаться.

— Что? — косится в мою сторону Елагин. — Опять проклятие?

Нет, проклятие было раньше, когда я склонилась над раковиной, чтобы умыться, и умудрилась врезаться бровью в кран. Мы все умываемся по утрам. Так каковы шансы чуть не выбить себе глаз, просто наклонившись? Как оказалось, с порчей весьма высокие. Чувствую себя бомбой замедленного действия.

— Ерунда, — качаю головой. — Слава под руку сказал.

— Ну-ну, — откликается Елагин, видимо, не веря. А когда машина, идущая впереди нас, замедляет ход так, что почти полностью останавливается, он переводит на меня пристальный, задумчивый взгляд.

Причем смотрит не в лицо, а куда-то в область то ли уха, то ли виска.

— Что? — спрашиваю напряженно. — Ты снова его видишь?

— Угу, — мрачно подтверждает Елагин. — Во всей красе.

— А...

— Нет, — качает головой, не дав мне до конца озвучить и без того очевидный вопрос.

— Снять не смогу. Слишком нестабильное.

— Почему?

— Да откуда ж я знаю почему, — уже отвернувшись, Паша пожимает плечом. — То ли делал не спец и что-то накосячил. То ли наоборот суперспец, и мне до него как до Луны.

Ну если даже Елагину как до Луны, то нам, остальным, как до другой галактики.

— Ты говорил, что оно связано с моими эмоциями и растет, когда я расстраиваюсь, — уточняю после небольшой паузы, за которую успеваю отхлебнуть еще кофе и промокнуть губы салфеткой. — А сейчас оно какое?

Паша хмыкает.

— Меньше, чем когда вы с Русом вломились ко мне в субботу. Но тогда его тоже было нереально подцепить, я смотрел.

И мне остается только печально выдохнуть.

— Что? — с недоброй усмешкой продолжает Елагин. — Предлагаешь сделать так, чтобы ты почувствовала себя очень плохо, и таким образом вынудить след от проклятия проявиться сильнее?

Воинственно вскидываю подбородок.

— А почему бы и нет, если это поможет? — интересуюсь с вызовом.

Если бы получилось избавиться от проклятия, тогда я освободилась бы от опеки и освободила бы Пашу от своего присутствия вне работы.

Но он в ответ только морщится.

— Не поможет. В субботу его и так было видно дальше некуда. Надо искать источник, как с иголкой. Или того, кто наложил.

— Каким образом? — буркаю, убрав пустую тару во второй подстаканник и обняв себя за плечи.

— Пока не знаю, — серьезно отвечает Елагин.

И наконец сворачивает во дворы — к зданию ОБЭПа.

Глава 4

На парковке с облегчением вижу пустое место там, где обычно оставляет свой автомобиль Кондрашов. Будет просто чудесно, если мы успеем ускользнуть из офиса прежде, чем он приедет на службу.

Долго избегать его все равно не получится, но даже при мысли об одном лишнем дне без его навязчивого внимания становится легче дышать.

Рано или поздно нам с Русланом придется поговорить, глядя друг другу в глаза. И тогда, возможно, он поймет, что неверно меня понял. Что я действительно не испытываю к нему прежних чувств и хочу жить без него. Что, постоянно названивая мне и засыпая меня сообщениями, он делал только хуже. И что...

Очень много этих «что». Но не думаю, что сейчас подобные разговоры возымеют эффект и вообще имеют какой бы то ни было смысл. Я уже сказала Кондрашову все самое главное, когда он увидел меня с чемоданом у ног. Теперь ему нужно свыкнуться с моим решением. А время и расстояние — единственный рецепт, который я для этого знаю.

— Доброго утречка! — стоит нам выбраться из машины, как слышу веселый голос.

Оборачиваюсь: Агата. Девушка, видимо, или живет где-то неподалеку, или добирается до работы на общественном транспорте, потому как заходит во двор пешком. Объемные дреды накрыты широким шарфом, на руках яркие варежки крупной вязки, лицо покраснело от мороза.

— Надеюсь, доброго, — в свойственной ему манере, поморщившись, отвечает Елагин.

Агата в ответ тепло ему улыбается и переводит взгляд на меня.

— Доброе утро, — здороваюсь в свою очередь нейтрально.

— Привет, Оль, — в ответ тоже получаю доброжелательную искреннюю улыбку. — А вы, я смотрю, подружились, — продолжает, когда мы все вместе направляемся к крыльцу. — Общее дело сближает, да? Вот, глядишь, и Макаарскому поможете, и сами помиритесь.

Бросаю на Пашу вопросительный взгляд, но он качает головой: Агата не в курсе, что именно между нами произошло.

— Мы уже, можно сказать, помирились, — отвечает девушке за нас обоих.

— Можно сказать, а можно и не сказать, — комментирует это идущий сбоку от меня призрак, и Агата, почувствовав колебание фона, тут же поворачивает к нему голову.

— Прости, Слав, не поздоровалась. И тебе доброе утро.

Ярослав на это очень по-детски смущается, пряча руки в карманы.

— Спасибо передай, — просит, потупившись.

— Ему приятно, — перевожу для остальных.

В тесный тамбур вваливаемся втроем, но там не протолкнуться, поэтому Елагин вежливо придерживает дверь, пропуская нас с Агатой вперед. Девушка летящей походкой впархивает в холл первой, я — за ней.

— Куда?! А ноги вытерли?! Слякоть какая на улице! — тут же обрушивается на нас суровый голос домохозяйки, то есть грозного администратора.

— Вытерли, конечно, Эмма Марковна, — нараспев отвечает ей Агата, устремляясь вперед и на ходу начиная копаться в своей огромной сумке. — Вы не лютуйте, пожалуйста. Погода сегодня отличная. А я вот пряники к чаю принесла...

Выхожу из-за колонны как раз вовремя, чтобы успеть заметить, как губы старушки недовольно кривятся.

— Наивная ты душа, я же на диете, — произносит не то чтобы враждебно, но откровенно снисходительно.

— А они с начинкой, — не сдается Агата.

Глаза Эммы Марковны под остроугольными очками немедленно превращаются в хитрые щелки.

— С какой именно?

— С клубничной.

— Так сразу бы и сказала, — всплескивает руками администратор и торопливо начинает что-то искать в ящиках своего гигантского стола. Выдвигает один, второй, внутри что-то звякает. Видимо, ищет подходящую посуду.

Агата, намеренная во что бы то ни стало задобрить вредную старушку, терпеливо ждет, покачивая на ладони пакетик с пряниками. А я, решив, что тут мне делать нечего — коллега и так поделится, ну а если не хватит, с голода не умру, — направляюсь в сторону гардероба.

Однако успеваю сделать буквально два шага, как меня перехватывает Елагин. Причем в прямом смысле перехватывает — под локоть.

— Ты куда?

Инстинктивно вырываю руку и тут же стыжусь своей резкости. Чего, спрашивается, дергаюсь?

К счастью, Паша или не придает значения моему жесту, или тактично делает вид.

— В гардероб, — отвечаю на заданный им вопрос. — А ты сам-то куда подевался?

Отвлекшись на старуху и пряники, я только сейчас понимаю, что Елагин шел от двери до колонны, за которой прячется стол администратора, слишком долго.

— Да так, — отмахивается Паша, — забыл кое-что в машине. — У него куртка с большими карманами. Так что, если что-то и правда забыл и взял, этого «чего-то» не видно. — Не надо в гардероб. Анжелика пока свалила всю бумажную работу на Агату. А тебя велела как можно больше таскать на выезды. Так что сейчас посмотрим, что к чему, и куда-нибудь поедem.

«Таскать» — не лучшее слово, сразу же напоминающее о моем звании прицепа, а не напарника. Но сейчас меня радует и оно: значит, я была права, и у нас есть шанс, улизнув из отдела, разминуться с Кондрашовым. Время идет, и если он вечно опаздывал на службу из-за меня, то должен вот-вот появиться. И тогда неприятного разговора не избежать.

— Как скажешь, — охотно соглашаюсь с необходимостью ехать. — А как же?.. — киваю в сторону Эммы Марковны, за это время успевшей разжиться сразу двумя немаленькими пряниками, которые теперь гордо лежат перед ней на блестящем синем блюде с позолоченной окантовкой — настоящий антиквариат.

— А, точно, — словно только что вспоминает о старушке Елагин и подходит к ее столу сразу же, как от него отходит Агата. Девушке не надо ни на какие выезды, и она законопослушно уходит в гардероб. — Эмма Марковна, доброе утро, — приветливо, хоть и сдержанно улыбается администратору Паша, — у меня к вам есть одна просьба.

Старушка уже ожидаемо расплывается в ответной улыбке. Поразительно, как это преобразает ее лицо: делает «бабусю из ада» даже милой.

— Да, Пашенька? — взмахивает редкими ресницами под толстыми стеклами очков.

Надо же, какая кокетка.

— Найдите, пожалуйста, в архиве Большой справочник. Оле нужно обновить теоретические знания.

От неожиданности шире распахиваю глаза. Ничего себе, не забыл!

Он говорил на прошлой неделе о том, что мне надо взять книгу у Эммы Марковны, раз уж я путаюсь даже в таких простых понятиях, как нечисть и нежить. Но из-за Руслана и переезда у меня все вылетело из головы.

— Ей? — При упоминании моего имени улыбка с лица администратора исчезает, будто ее и не было. — А не потеряет? — И столько недоверия и сомнения в голосе, что мне заранее становится совестно. Видимо, я раньше уже теряла что-то ценное.

— Не потеряю, — обещаю клятвенно.

Эмма Марковна продолжает испепелять меня взглядом, потом, надо понимать, для более точного наведения на цель, прищуривает один глаз. Смотрит, смотрит... Так и хочется сказать, что, пока она меня сканирует, все пряники зачерствеют. Но мужественно молчу.

— Под мою ответственность, — вдруг заявляет Елагин, осторожно смещаясь в мою сторону. Вскидываю на него глаза, пытаюсь понять, что это еще за маневры, но он смотрит только на Эмму Марковну. — Поверьте, Оля теперь не та, что прежде.

Не та-то не та, но что же я ей раньше-то сделала?

Когда же старушка отводит от меня взгляд, чтобы демонстративно побарабанить пальцами по столу, показывая силу своих сомнений, мне в ладонь толкается что-то твердое, прямоугольное и гладкое. И легкое — автоматически сжимаю пальцы.

— Не тупи, — едва слышно шипит мне Паша и отступает.

И только тогда до меня наконец доходит, что это.

— А это вам еще к чаю! — выпаливаю, должно быть, с чрезмерным энтузиазмом и, делая шаг вперед, кладу перед старушкой плитку шоколада в яркой глянцевої обертке.

Тонкая бровь Эммы Марковны изумленно ползет вверх.

Пауза затягивается, и я уже начинаю думать, не решил ли Елагин надо мной жестоко подшутить, чтобы прочувствовала в полной мере, каково это занимать чужие спальни...

Но нет. Бровь старушки становится на место, а губы искривляет скупая, но все-таки улыбка.

— Надо же, не ожидала, — благосклонно произносит она, подвигая к себе шоколадку вытянутым указательным пальцем. Диета, кажется, окончательно забыта. — Так уж и быть. На сей раз поверю.

— Мы уедем примерно через полчаса, — подсказывает Паша. — Максимум час.

— Приготовлю, — степенно кивает Эмма Марковна.

И мы уже двигаемся в направлении офиса, как вдруг нас догоняет вновь недовольное:

— Кондрашова, куда?! А оставить верхнюю одежду?!

Останавливаюсь, закатывая глаза. Вот же гримза дотошная!

Но Елагин, умчавшийся на пару шагов вперед, оборачивается и машет мне рукой, мол, пойдем, пойдем.

— Это тоже под мою ответственность, Эмма Марковна!

Глава 5

— Ну и холодина сегодня, — Агата приплясывает перед своим столом в ожидании загрузки компьютера, дышит на озябшие ладони, а потом растирает их одну о другую, чтобы согреться.

Я, в пуховике, застегнутом под самое горло, искренне ей сочувствую.

— Паш, а почему ты не поручился перед Эммой Марковной и за Агату? — спрашиваю прямо.

На дрожащую девушку даже смотреть холодно. Он же тоже не слепой, не может не видеть.

— Ф шмыфле? — через плечо откликается Елагин. Он успел обзавестись Агатиным пряником с клубничной начинкой и теперь колдует над кофеваркой с ним в зубах — руки-то заняты.

— В коромысле, — передразнивает его же излюбленный ответ Ярослав, но я едва заметно качаю головой: спрашиваю ведь, потому что не понимаю, а не чтобы попенять.

— В самом прямом, — отвечаю Паше. — Ты же мог вмешаться, и Агате не пришлось бы идти в гардероб, а сейчас мерзнуть.

И хорошо, что я не взяла пример со Славы и не сказала едкое «в коромысле». Потому что я и так говорю явно что-то не то: наконец захлопнув крышку кофеварки, Паша оборачивается ко мне и смотрит так, будто я предложила ему коллективно поджечь офис, чтобы погреться. Ну, или будто я просто окончательно чокнулась.

— А оно ей надо? — тем не менее, убрав пряник изо рта, в итоге спрашивает серьезно. Когда он пялится вот так, в упор, своими темнящими глазами, я теряюсь, честное слово. — Агата, ты хотела пройти сюда в верхней одежде и не смогла? — пока я думаю, что сказать, Елагин уже обращается непосредственно к объекту нашего обсуждения.

— Что? — Девушка перестает активно щелкать мышкой и отрывает взгляд от экрана. — А-а... — протягивает, на миг замерев, словно обрабатывая информацию. Потом расплывается в улыбке. — Нет, конечно. Мне никуда не ехать, а сидеть в офисе в верхней одежде — дурной тон.

Паша, к этому времени успевший уже откусить пряник, ничего не отвечает и только выразительно указывает в сторону девушки зажатым в пальцах огрызком, мол, ну вот, я же говорил.

Дурной тон, надо же. А держать сотрудников в помещении, где ненамного теплее, чем на улице, значит, в порядке вещей?

— Да это и неудобно, — добавляет Агата — очевидно, то, что я обо всем этом думаю, ясно написано у меня на лице. А потом улыбается еще шире. — Но все равно, Оля, это так мило, что ты обо мне беспокоишься.

После чего бросает настраивать компьютер, обходит стол и, прежде чем я успеваю понять, что она собирается сделать, и как-то среагировать, шагает ко мне и порывисто меня обнимает.

— Спасибо, Оля, это очень приятно. Особенно от тебя.

— Э-эм-м... — Неловко похлопываю ее по спине. — Не за что.

Благо объятия длятся недолго. Уже через пару мгновений Агата отпускает меня и как ни в чем не бывало возвращается к своему столу, берет за мышку.

— Ну давай, миленький, грузись, — ласково приговаривает бездушной машине, как если бы она была по-настоящему живой. — Чуть-чуть осталось, маленький, не подведи...

— А почему «особенно»-то? — запоздало спохватываюсь.

— А? — Агата, уже успевшая увлечься чем-то, происходящим на экране, растерянно вскидывает на меня глаза, и в них ясно читается непонимание.

Вздыхаю и отмахиваюсь.

— Неважно. Не отвлекайся.

И правда, глупый вопрос. То, что прежде я была эгоистичной самовлюбленной стервой, для меня давно не секрет. Сколько можно удивляться, в самом-то деле?

— Что? — уточняю, вероятно, резче, чем следовало бы, поймав на себе насмешливый взгляд Елагина.

— Ничего, — качает головой и усмехается так, будто бы как раз «чего». — Кофе готов. Кому налить?

— Мне! — немедленно вскидывает руку Агата. Пятясь, на ощупь находит позади себя стул и садится, продолжая смотреть в экран. — Ох, почти-то как за выходные засыпало...

— Тебе тоже? — спрашивает у меня Паша, доставая дополнительные чашки.

Поворачиваюсь к нему, но ответить не успеваю: с грохотом распахиваются двери, и на пороге предстает взъерошенная Анжелика Борисовна. Выражение «не влезай — убьет» читается на ее лице с первого взгляда.

— Добро... — начинает Агата, но не успевает закончить фразу.

— Вы еще здесь! — выпаливает, перебивая ее, Старолевская, стреляя глазами при этом то в меня, то в Елагина. Агаты тут вообще будто бы нет. — Отлично! — Начальница воинственно встряхивает волосами и тут же срывается с места. Острые шпильки ее сапог агрессивно впиваются в ковролин, подол расстегнутой шубы развевается сзади, как шлейф. — Паша! За мной! — рывкает Злая королева, уже подлетая к двери своего кабинета, и с силой дергает ее на себя. — Немедленно!

Удар захлопнувшейся двери едва ли не сотрясает стены.

— Ой, — шепотом произносит Агата во внезапно наступившей тишине. — Мне кажется, ей сейчас не стоит предлагать кофе.

— И пряник тоже, — соглашается Елагин, отставляя от себя чашку. — Говорил же: утро добрым не бывает.

Сбрасывает куртку с плеч, оставляет ее на своем стуле и тоже скрывается в кабинете начальства.

— Бедный, так и не позавтракал, — сочувствует ему Агата.

Я тоже сочувствую: вид Старолевской не предвещает ничего хорошего. Видимо, кто-то важный и влиятельный опять накрутил ей хвост с утра пораньше, и отдуваться за это придется нам.

Правда, пока что одному Паше, и это меня тоже немного расстраивает. Но «прицеп» на аудиенцию не приглашали.

Глава 6

— Посмотри еще вот в этой папке, — советует Ярослав, заглядывая в компьютер через мое плечо.

Послушно щелкаю мышкой. Но и там ничего нет.

На самом деле, занимаюсь совершенно бесполезным делом. Я уже пробовала забить в строку поиска «Ярослава Макарского», просто «Макарского», «Я. Макарского», «Я. Н. Макарского» и даже одни инициалы: «М. Я. Н» и «Я. Н. М». Искала и как Славу, и как музыканта, и как студента, пыталась найти по слову «консерватория». Но в моих личных файлах не нашлось ничего подобного, как и в общей базе, которую до этого прошерстила Агата.

Если я прежняя и была как-то связана с Ярославом, то эта «связь» была неофициальной.

Могла ли я заниматься «подработкой» вне службы? Вести какие-то свои дела в обход ОБЭПа, коллег и Старолева? Легко. Особенно учитывая, что у меня имелся второй номер телефона, зарегистрированный неизвестно на кого.

Но не мог же призрак привязаться ко мне ни с того ни с сего? И Паша, и Агата в один голос утверждают, что наша странная привязка могла образоваться, только если мы оказались где-то в одном месте в одно время — его смерть и моя травма, чуть было не стоившая мне жизни.

Оля, куда же ты пошла семнадцатого числа на ночь глядя?..

— А тут? — не сдается призрак, указывая теперь на папку с «особо опасными уродами».

Вздыхаю и открываю и ее. Слава напряженно скользит взглядом по строчкам, но то, что он ничего там не найдет, уже не вызывает сомнений: если у нас с ним и были какие-то дела, я наверняка не хотела, чтобы об этом кто-то узнал.

Другой вопрос: что могло связывать меня и небогатого студента? Ясно же, что если я занималась чем-то тайно, то не за спасибо. Альтруизм в портрет моей личности до амнезии не вписывается категорически.

А что, если?..

Загоревшись новой идеей, закрываю бесполезную папку и начинаю искать все, что связано со Звонаревыми. Ведь если Кирилл действительно дружил со Славой, то вполне возможно, что они вызвали меня, а он... скажем, был у них в гостях? Или вообще, Кирилл мог созвониться со мной по какому-то делу, не ставя в известность деда. Или...

Но по Звонаревым тоже нет ничего интересного: даты визитов (примерно раз в месяц), сухие строчки отчетов: «снят сглаз», «квартира обработана благовониями», «проверка на порчу» и так далее.

— Думаешь, моя смерть все-таки может быть как-то связана с ними? — прищуривается Слава, все это время продолжающий следить за моими действиями.

— Не знаю, — говорю честно. — Но со Звонаревым-младшим я бы пообщалась без его важного деда. Он же был твоим другом. Может...

— Да не могли мы дружить! — как и всегда, когда поднимается эта тема, возмущается призрак. — Ты его видала? Он же этот... как его...

— Сноб? — предлагаю вариант.

Ярослав закатывает глаза.

— Ладно, пусть будет сноб. Но ты меня поняла.

Поняла-то поняла. Но если Арсений Федорович мог соврать об отношениях мальчишек, чтобы выгородить внука, то Тамаре Валентиновне лгать о дружбе Кирилла и Ярослава смысла не было.

Ну, разве что, если ей дали взятку и заранее попросили сказать неправду. Но думать так — это практически прямо обвинять Звонаревых в убийстве. На основании чего? Того что они...э-э... снобы?

— Я считаю, нам нужно встретиться с Кириллом, — повторяю упрямо. Больше идей у меня все равно нет.

Ярослав морщит нос при одном упоминании своего якобы друга, но сдается, пожимает плечами.

— Ну давай встретимся, — соглашается, правда, без особого энтузиазма. — Но когда вернется моя мама — первым делом к ней.

— Само собой.

— Оль, ты чего пряник не берешь?! — в этот момент окликает меня Агата. — Они вкусные!

Есть и правда хочется. Бросаю на призрака виноватый взгляд.

— Иди-иди, — усмехается тот в ответ. — Если помрешь с голоду, с кем я тогда к маме поеду?

Благодарно ему улыбаюсь и встаю из-за стола.

Пряник действительно оказывается вкусным, несмотря на мою нелюбовь к сладкому. А может, мне так кажется, потому что я больше суток нормально не ела.

Стою у импровизированного кухонного уголка, где в офисе обретается шкаф с кружками и стол с чайником и кофеваркой. Оперлась бедрами о столешницу, жую пряник и запиваю кофе. Это еще тот, который варил Паша, поэтому он немного остыл, но все равно хороший. Или мне опять это только кажется?

А еще возле меня на углу стола лежит книга. Толстая и очень старая. Кожаный переплет потерт, и надписи уже не разобрать, а страницы пожелтели и ссохлись от времени. Но я все равно смотрю на нее как на великую ценность — Эмма Марковна лично принесла ее несколько минут назад и вручила мне со скупой, но все-таки улыбкой.

Что ни говори, а доброе слово и шоколад творят чудеса. И вовсе администратор не «бабуся из ада», просто... своеобразная.

— А ты не знаешь?..

— Я тебе ски...

Заговариваем с Агатой одновременно, и обе замолкаем.

— Говори, — уступаю, прячась за ободком своей чашки.

Все-таки не кажется, кофе и правда вкусный. Как ни крути, а Анжелика была права: варить кофе не конек Агаты. Тот, что я пила тут в прошлый раз, был в разы хуже.

— Я тебе скинула расписание занятий Звонарева-младшего, — заканчивает девушка то, что хотела сказать, когда я ее перебила. — Расскажешь потом, если что-то узнаете? — Смущенно улыбается. — Тоже переживаю за Славу.

Бродящий неподалеку призрак немедленно поворачивается в нашу сторону, наострив уши.

— Конечно, — обещаю, заодно даря Ярославу ободряющую улыбку.

Тот же от меня только отмахивается. Внимание Агаты ему определенно нравится больше.

— А ты что хотела сказать?

— А я...

Я хотела спросить, за что меня невзлюбила Эмма Марковна. Ну, или каким образом я сама настроила ее против себя — уже не удивлюсь и такому развитию событий.

Но не успеваю: распахивается дверь в кабинет начальства, выпуская мрачного, как туча, Елагина.

— И чтобы через час отчитались! — несется ему вслед недовольный голос Старолевской.

— Слушаюсь и повинуюсь, — огрызается Паша себе под нос и направляется к своему месту за курткой. — Погнали, у нас там очередная задница назревает, — это уже мне, громко.

— Удачи, — желает Агата. — Беги, Оль, я сама кружку помою.

Дарю ей благодарную улыбку, оставляю недопитый кофе и спешу вслед за Елагиным.

Глава 7

— И все? — переспрашиваю недоверчиво, уже взявшись за ручку двери и теперь смотря на Елагина поверх крыши автомобиля.

И стоило Анжелике так психовать? Ну наслушался какой-то школьник городских легенд. Ну возомнил себя великим блогером и снял ролик об очередном «плохом» доме. Ну помелькало это видео в сети одни выходные... Ну и что? По телевизору вообще регулярно крутят всевозможные шоу с так называемыми экстрасенсами. Люди смотрят, им нравится. Но по-настоящему верят в реальность показанного на экране лишь единицы. Для остальных это просто развлечение, как художественный фильм, и ни о каком рассекречивании и речи не идет. А тут вообще какой-то никому не известный мальчишка и максимум сотня-другая просмотров. Так к чему тогда раздувание из мухи слона из-за какого-то там видео? Горстка людей погалдит и забудет.

— И все, — мрачно откликается Паша и хлопает дверцей, первым садясь в машину. Следую его примеру и тоже забираюсь в салон. — Наша главная проблема в том, — продолжает Елагин, пока я бережно кладу одолженную Эммой Марковной книгу на колени и пристегиваюсь, — что этот доморощенный блогер учится вместе с внуком депутата Милюковского. И этот самый внук с удовольствием поделился с дедом «прикольным видосиком», — морщится, передразнивая. — А тот спустил на Энжи всех собак с утра пораньше.

А она отослала этих псов ниже по карьерной лестнице. В принципе, что-то вроде этого я и предполагала, когда увидела взбешенную Старолевскую.

— То есть, я правильно понимаю, нас обвинили в том, что какие-то школьники знают о проблемных местах города больше, чем мы?

Елагин корчит недовольную гримасу.

— Вроде того.

Видимо, Анжелика обрисовала ему эту проблему более красноречиво. Гораздо более, если держала его в своем кабинете почти полчаса.

— А дом и правда «нехороший»?

— Без понятия. — Он, как всегда, резко трогается с места, сдавая назад, чтобы выехать с парковочного места, и мне приходится спешно ловить чуть не сверзившуюся на пол книгу. — В бардачок положи, — бросает Паша, выкручивая руль и даже не глядя на меня. И как только заметил?

Но не спорю и убираю свою ценность куда велено. Теперь главное — не забыть ее тут на ночь. Не уверена, что низкие температуры не угробят и без того на ладан дышащую книгу окончательно.

— А видео это можно удалить? — освободив руки, возвращаюсь к прерванной теме. — Ну, от греха подальше.

— Зная Энжи, Агата этим уже занимается, — равнодушно пожимает плечом Паша и вдруг быстро опять переключает передачу.

Мы должны были выезжать из двора, но вместо этого он снова дает задний ход. Поднимаю глаза к лобовому стеклу и только тогда понимаю почему: в узкий проезд заворачивает крупный внедорожник.

— Явился — не запылится, — фыркает сзади Ярослав, после переезда явно не считающий нужным скрывать свою антипатию к Кондрашову.

А я сползаю по спинке сиденья так низко, как только могу. Спустилась бы еще ниже, да колени не помещаются. Ремень безопасности неприятно натягивается и норовит меня придушить, проходя теперь прямехонько поперек горла, но я только оттягиваю его пальцами от шеи и замираю.

Елагин тем временем отъезжает еще, освобождая встречному автомобилю путь.

Из внедорожника приветственно сигналият.

Паша обходится без звуковых эффектов и просто поднимает руку в приветствии.

Разъезжаются...

Пронесло?

Пронесло, понимаю уже наверняка, когда наша машина переваливает через искусственную неровность, перегораживающую выезд из двора, и мягко набирает ход на ровной дороге.

Выдыхаю с облегчением и, оттолкнувшись ногами, ползу по спинке кресла обратно вверх и сажусь как положено. Сердце только предательски частит. И волосы наэлектризовались, после того как проехали по обивке сиденья. Нетерпеливо заправляю их за уши.

И чего, спрашивается, разволновалась?

— Ты правда думаешь, что Рус не понял, чья блондинистая макушка может маячить у меня на пассажирском месте? — флегматично интересуется Паша.

— Нет, — огрызаюсь вполголоса и, обняв себя за плечи, отворачиваюсь к окну.

Конечно, я понимаю, что Кондрашов меня мгновенно узнал. Он же не дурак, в самом-то деле. Но это не отменяет того факта, что я сейчас не хочу с ним ни видаться, ни говорить.

Или все-таки дурак.

Потому что в кармане начинает вибрировать телефон, который я включила по дороге в отдел, а потом отвлеклась и просто сунула в пуховик.

Надеясь, что все-таки думаю о собственном муже слишком плохо, тянусь к карману и вытаскиваю аппарат: «Руслан». Жаль, но я не ошиблась.

Получается, доехал, припарковался и сразу кинулся мне звонить? Что это, святая простота или упорное желание продавить свою линию?

Честно говоря, не хочу знать. Во всяком случае не сейчас. Поэтому просто-напросто сбрасываю звонок и, игнорируя бьющую в ладонь вибрацию от входящих сообщений, открываю меню контакта. «Заблокировать?» Да. На этот раз совершенно точно — да.

А потом еще несколько минут сижу с уже «заснувшим» телефоном в руках и чувствую... Опустошение? Пожалуй. И еще — горечь.

Как громко мне надо кричать, чтобы меня услышали? Как сильно задыхаться, чтобы дали воздуха?..

В этот момент, словно в насмешку, оживает телефон Елагина.

Паша бросает на меня хмурый взгляд и достает аппарат из кармана куртки. Смотрит на имя абонента и не включает громкую связь, как часто делает, когда за рулем. Принимает вызов и прижимает телефон к уху плечом.

— Тут вообще-то камеры, — подсказываю шепотом.

Одно из устройств наблюдения за дорогой на столбе прямо по курсу.

Но Паша меня, конечно же, игнорирует, как, собственно, и правила дорожного движения (и то и другое не ново), и продолжает удерживать аппарат плечом.

— Да?.. Привет еще раз... Угу...

На том конце ему что-то долго говорят. Елагин с непроницаемым выражением лица слушает и молчит, лишь время от времени вставляя свое универсальное «угу», смотрит при этом только на дорогу.

Отворачиваюсь от него и просто глазею в окно в двери.

Выглянувшее с утра солнце спряталось за плотными серыми тучами, вокруг мрачно и сыро, пешеходы месят снежную жижу на тротуарах, из-под колес летят грязно-коричневые брызги, время от времени долетая до стекла прямо перед моим носом...

— Руслан передает привет, — вдруг громко произносит Елагин, и я вздрагиваю от неожиданности.

Его «угу-угу» стало для меня уже белым шумом, и я даже не заметила, когда он прекратил разговор и убрал телефон от уха.

Оборачиваюсь.

— В каком смысле «привет»?

Паша пожимает плечом.

— В обычном. Говорит, что не дозвонился до тебя. Перезвонит вечером, а то сейчас некогда: проспал и мчитесь на работу.

В салоне повисает тишина, а мне требуется по меньшей мере минута, чтобы осмыслить то, что я только что услышала.

А когда до меня окончательно доходит, что Елагин не шутит, зажмуриваюсь так сильно, что векам становится больно. Сжимаю пальцами переносицу.

— Я заблокировала его, — признаюсь, все еще не открывая глаз.

Заблокировала, а он этого даже не понял. Не допустил мысль, что могу так поступить...

— Я догадался, — коротко откликается Паша и больше ничего не говорит, ясно давая понять, что в наши отношения лезть не намерен.

Я тоже молчу. Но теперь отчего-то хочется плакать.

— Потом будете разбираться, — возвращает меня в реальность Пашин голос. — Напиши пока Агате. Пусть скинет нам этот ролик с домом на Лермонтова. Хоть будем знать, из-за чего там весь сыр-бор.

Очень вовремя, надо признать, возвращает.

— Да, конечно. — Встряхиваюсь, смагивая подступившие к глазам слезы, и свайпаю по экрану телефона, который все еще сжимаю в руке.

Елагин прав: дело прежде всего.

Личная жизнь подождет.

Глава 8

«Эй, народ! Зацените, какой криповый дом я вам покажу! — вещает мальчишеский, еще ломающийся голос на беспрестанно подрагивающем видео. Оператор-любитель снимает на ходу. — Эт самое, там призраки живут... Ну, по слухам... У-у-у!»

А в следующее мгновение на весь экран появляется прыщавая физиономия. Парнишка складывает губы в трубочку, изображая завывания призрака (по мне, больше похоже на голодного койота), и дергает бровями, как паралитик, видимо, считая, что это круто.

Снимает юный блогер в сумерках, отчего длинная многоэтажка и правда выглядит зловеще. Крупным планом показывается обшарпанное крыльцо, железная дверь в подъезд, облепленная облезлыми объявлениями, кондиционер с ржавыми потеками на белом боку под чьим-то окном.

— Слушай, а у него реально талант, — хмыкает Слава, заглядывая в мой телефон.

— Да уж, — соглашаюсь, — юный Стивен Кинг.

В том, что парень умеет нагонять жути, ему и правда не откажешь. И, если бы он снимал не на ходу и научился монтировать видео, вероятно, у него действительно вышел бы неплохой ужастик — атмосферно.

«У моего бро тут бабуля жила. Начала по ночам голоса слышать, шаги, скрипы — все такое. Потом заболела, короче, и game over. А сосед ее тоже ловил эту паранормальщину, даже в полицию ходил. Ну, те поржали над ним. И он потом тож того... откинулся. Только спился сначала»...

— «Game over» у него, — морщится Паша, тоже слушающий этот поток сознания.

— А мне интересно, — отмахивается от него Ярослав.

— Славе нравится, — перевожу в ответ на вопросительный взгляд Елагина.

Тот закатывает глаза, но больше не комментирует, следит за дорогой и молча слушает.

А на видео пацан шастает возле дома, дергает то подъездную дверь, то ту, что ведет в подвал, и рассказывает о своих ощущениях. Мурашки у него, мол, и волосы дыбом от этого места.

Запись заканчивается тем, что из дома выходит какой-то хмурый и, кажется, не слишком трезвый мужик с пакетом мусора в руках и нецензурно рывкает на горе-блогера за то, что тот попытался пробраться в подъезд. Судя по шуму и тряске, не имея возможности войти в дом, мальчишка решил взять у неприветливого жильца интервью и чуть не лишился телефона. В подписи к видео автор обещает вернуться к дому позже и обещает держать подписчиков в курсе.

Кстати, подписчиков у него пятьдесят два. Лайков на видео двенадцать. Так что, если бы не внук этого Милюкова — или Милюковского? — эта история бы канула в волнах интернета очень быстро и больше никогда бы не всплыла.

— Пацан-то целый? — серьезно уточняет Елагин. — Шибанул его этот?

Пожимаю плечами, пролистывая ленту парнишки назад. Какие-то аниме-школьницы, цитаты философов, просто разные фото самого автора и его друзей, еще какие-то видео, но на всех по-прежнему не больше десяти сердечек.

— Целый, раз выложил. — Прищуриваюсь, вглядываясь в экран. — Был онлайн два часа назад. Тем более обещал выпустить продолжение.

— А вот это дерьмово, — вздыхает Паша.

— Что не шибанул?

Удостаиваюсь тяжелого взгляда.

— Что обещал продолжение.

— А, ну да. — Чувствую, как кровь приливает к щекам. Додумалась, что сказать. Может, Елагин и колючий, но пока что в пристрастии к жестокости замечен не был. — Извини.

За что получаю еще один взгляд. На сей раз задумчивый.

— Да, я теперь прошу прощения, если была не права, — огрызаюсь в ответ.

— И этим здорово пугаешь, — неожиданно признается Елагин.

Протягивает руку и жмет на кнопку включения радио. Салон тут же заполняет какая-то заунывная песня. Паша морщится и меняет волну. Потом еще раз...

Это он так намекает, что разговор закончен?

Несколько минут хмуро наблюдаю за его действиями, убеждаюсь, что поняла намек верно, и спрашиваю прямо:

— Все еще подозреваешь, что я могу притворяться?

Ну а что еще он имел в виду под этим своим «пугаешь»?

Рука Елагина замирает на кнопке. К слову, он умудрился прощелкать каналы и остановился на первой волне с завываниями какой-то не слишком-то талантливой певицы.

Поднимает на меня глаза.

— Если бы я так думал, то ноги бы твоей в моем доме не было, — произносит до ужаса серьезно.

И отворачивается.

А я не знаю, что ему на это сказать. Да и надо ли?

Мои предположения подтвердились: другое время суток, другое освещение — и вот уже «криповый» дом становится самым обычным.

Как и всегда, чем дальше от центра города, тем хуже расчищен снег. Тротуары в наледи, по обочинам дороги ждут оттепели чумазы сугробы. В мрачном дворе с поломанными качелями по протоптанной тропинке поперек заснеженной детской площадки пожилая женщина выгуливает мелкую собачку. Скачут, чирикают, воробьи, разыскивая, чем бы поживиться, под балконами...

Двор как двор, дом как дом. Не слишком ухоженная территория, разве что. Но ничего зловещего не наблюдается. Даже наоборот.

— Смотри, — окликаю Елагина, который, выйдя из машины, тоже стоит и осматривается по сторонам, — единорог на площадке точь-в-точь как возле твоего дома.

Паша поворачивает голову куда я указываю.

— Так себе единорог без рога, — выносит затем вердикт, рассмотрев, о чем я говорю.

Да, в его дворе к детской качалке относились бережнее и, вероятно, даже недавно подкрашивали. Эта сильнее облезла и лишилась не только рога, но и части хвоста. Но тем не менее сходство налицо.

— Я в детстве такие любил, — ностальгически вздыхает Ярослав, тоже рассматривая деревянную зверюгу.

— Помнишь?

— Знаю, — огрызается призрак.

А я знаю, что мы с мамой готовили «Яблочный снег», но толку от этого знания?

Передергиваю плечами, отгоняя от себя неуместные сейчас мысли, и, захлопнув дверцу автомобиля, первой делаю несколько шагов к дому номер пятнадцать. Он стоит немного в стороне от остальных и к тому же отличается от своих ближайших соседей и формой, и количеством этажей — не перепутаешь.

А через пару шагов поскользываюсь и чуть не падаю носом в сугроб. Благо мой «телохранитель» тут как тут — вовремя оказывается рядом и подхватывает под локоть.

— Это не проклятие, — бормочу из чувства протеста, когда снова восстанавливаю равновесие. Так себе ощущение — чувствовать себя недотепой. — Тут просто скользко.

— Угу, — охотно «соглашается» Паша, при этом опять пристально глядя куда-то в область моего виска. — Никакого проклятия, как же.

И что бы он там ни видел, выражение лица у него такое говорящее, что у меня отпадает всякая охота спорить.

— Все равно не понимаю, кто так проклинаяет на смерть, — высказываюсь, когда мы продолжаем дорогу к дому. Правда, Елагин не отпускает мой локоть и так и ведет, придерживая, будто конвоир, который боится, что его арестант сбежит. — Это больше проклятие на неуклюжесть.

— И травмоопасность, — поддакивает пристроившийся за нами призрак.

— Возможно, это побочка.

— Что? — Удивленно вскидываю на Пашу глаза, но он смотрит прямо, на возвышающийся перед нами дом.

— Если кто-то боится, что ты все вспомнишь, он мог поставить отложенное проклятие, которое убьет тебя сразу, как только начнешь вспоминать.

Тяжело сглатываю. Хорошенькая перспективка.

— А... — Честно говоря, у меня даже не сразу находятся слова. — А так можно?

Паша бросает на меня снисходительный взгляд.

— Так нельзя и запрещено. Но умельцы могут.

— Погоди, а если...

Однако договорить не успеваю. Елагин вдруг останавливается как вкопанный. И я, по инерции еще шагнув вперед, чуть не падаю на него, качнувшись назад — руку-то мою он так и не выпустил.

— Чувствуешь?

Я — ничего не чувствую. Хотя бы потому, что не привыкла ощущать потустороннее. Плесень на стенах в доме Александры Матвеевны я заметила только тогда, когда мне на нее указали. Запах земли и крови в квартире Олеси и Сергея — тоже лишь после того, как о вони упомянул призрак.

Вот и сейчас я пытаюсь настроиться и понять, о чем говорит Паша, но не чувствую ничего, кроме тревоги. Вот только моей ли?

— Как-то похолодало, — ежится Ярослав, потирая ладонями плечи.

И в этот момент единорог на детской площадке вдруг начинает яростно раскачиваться. Безветренно, и никого, кто мог бы его толкнуть, поблизости нет...

Глава 9

— Знаешь, кого мне напомнил этот Федя Громов? — рассуждает Ярослав, пока мы неспешно обходим дом.

Елагин, к счастью, выпустил мою руку, но все равно поглядывает с таким видом, будто готов в любой момент броситься меня спасать. С одной стороны, понимаю, что он молодец и держит слово, данное другу, с другой — чудовищно унижительно чувствовать себя ущербной в его глазах.

Почему мнение человека, не испытывающего ко мне и доли симпатии, имеет для меня значение, — другой вопрос. Но сейчас точно не время для самокопания.

Поэтому, устав ловить на себе его внимательные взгляды и, по сути, отвлекать от основной работы, ухожу немного вперед. Призрак, естественно, присоединяется ко мне.

— Даже гадать не буду, — отвечаю Славе. — Кого?

— Другка моего якобы, Кирюшу Звонарева.

Интересно, когда он успел разглядеть между ними сходство? Парень на видео натянул шапку по самые брови, а вокруг было темно.

— Формой носа, что ли? — усмехаюсь.

Призрак же в ответ закатывает глаза.

— Да ладно тебе, прыщами, ясное дело!

Ого, бестактный ты мой.

Укоризненно качаю головой.

— У тебя, может, тоже когда-то были. У подростков часто проблемная кожа.

Но Ярослав в ответ только фыркает и заносчиво задирает нос к небу.

— Вот еще. Я с детства на сцене. Какие прыщи!

— Эм... — Останавливаюсь и смотрю на него во все глаза. Он же как раз и не верит в свою дружбу со Звонаревым из-за того, что тот мнит себя лучше других и не считает должным это скрывать. Сейчас же... — Слав, — спрашиваю обеспокоенно, — с тобой все в порядке?

Однако призрак только раздраженно дергает плечом.

— Я мертв. Что со мной будет?

— Не знаю, — отвечаю честно. — Но ты ведешь себя странно.

— Это я-то? — петушится Слава. — На себя посмотри.

После чего отворачивается и уходит вперед с видом оскорбленного короля. И это настолько не похоже на Ярослава, с которым мы живем бок о бок уже целый месяц, что у меня мурашки по коже.

Инстинктивно делаю несколько шагов за ним, а потом останавливаюсь. Все равно он не уйдет от меня дальше чем на два метра.

Оборачиваюсь: Паша отстал от нас и, тоже остановившись, с задумчивым видом изучает что-то под одним из балконов.

Подойти и уточнить, что он там увидел? Или все же догнать призрака и выяснять, какой бес в него вселился? Или?..

Но я вдруг четко понимаю, что не хочу идти ни к тому, ни к другому. Уехать отсюда хочу. Нет, не домой к Елагину. И не в нашу общую квартиру с Кондрашовым. И даже не в офис ОБЭПа. Вообще уехать. Подальше. Взять чемодан, купить билет на самолет или поезд и бросить всех и вся. Да и плевать, что призрак потянется за мной. Если его игнорировать, то со временем ему самому надоест меня доставать, и он заткнется. С другой стороны, можно себя обезопасить и перед отъездом таки заскочить к Руслану, по старой памяти, и попросить изгнать этого жмурика, как ему давно хотелось...

И тут-то мне становится по-настоящему душно. Это не мои мысли! Слава не «жмурик»!

— Паша! — кричу с паникой в голосе.

Он тут же вскидывает голову в мою сторону. Но больше ничего увидеть не успеваю: перед глазами темнеет, и я падаю прямо там, где стояла.

— Выпей. — Мне в губы толкается что-то твердое, маленькое и холодное.

Веки тяжелые, будто налиты свинцом, в затылке больно — видимо, им я и приложилась о землю, когда потеряла сознание.

— Пей, говорю.

И снова что-то настойчиво касается губ.

Мычу нечто нечленораздельное и качаю головой, которая неожиданно прокатывается по чему-то в меру твердому и упругому. Подголовник... И только тогда мое больное сознание наконец обретает понимание, где верх, а где низ и что я сама вовсе не лежу, как мне сперва показалось, а сижу.

Буквально с титаническим усилием все же разлепляю веки. Да, правда сижу, как и всегда, на переднем пассажирском месте в автомобиле Елагина. А хмурое и одновременно встревоженное лицо Паши прямо напротив. Он наклонился ко мне с водительского сиденья и протягивает какой-то бутылек из темного стекла, без этикетки.

Смотрю на бутылочку с подозрением и уже осознанно качаю головой.

— Что это?

Елагин язвительно вздергивает бровь.

— Серьезно? Думаешь, я хочу тебя отравить?

— Оль, да пей ты! — вступает за него призрак. Его я не вижу, он где-то сзади. — Пашка знает, что делает.

Точно, он же у нас по совместительству Елагинский адвокат.

Все еще не до конца придя в себя, беру бутылочку нетвердой рукой и подношу к глазам — почти полная. Цвет содержимого не понять из-за цвета стекла, но это точно что-то совсем жидкое.

— Что это? — повторяю упрямо.

— Снадобье одно хорошее, — сквозь зубы отвечает Паша. — Пей, говорю, пока опять не начала брыкаться.

Я? Брыкаться? Ерунда какая-то.

Тем не менее Елагин смотрит так, что понимаю: отнекиваться бесполезно. Продолжу спорить — волеет силой. Отравить не отравит, но поссоримся точно.

Вздыхаю и подношу бутылек к губам, делаю осторожный глоток. Какая-то травяная настойка. Горькая ужасно.

— До дна, — строго велит Паша и не сводит с меня глаз, пока я не выполняю требуемое. — Вот и хорошо. — Только затем выдыхает с облегчением и забирает у меня пустую тару. — Ну ты даешь...

— Я? — все еще не понимаю. — Что случилось?

— Прохожие чуть дурку не вызвали, — почему-то обиженно ворчит сзади призрак. — Вот что случилось. Ты билась и орала, как раненая тигрица!

— Я — билась? — оборачиваюсь к нему, должно быть, с совершенно круглыми глазами. — Когда?

Ярослав в ответ смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Реально не помнишь?

— Когда я тащил тебя в машину, — отвечает вместо него Елагин и оттягивает ворот своей водолазки, демонстрируя три длинных и довольно глубоких царапины, идущих поперек его

шеи. — Ты не билась — ты дралась, — поясняет сухо и морщится, когда отпускает горловину и ткань, принимая прежнюю форму, касается ран.

— Это... — Чуть было не задаю глупый вопрос: «Это я тебя?» Но ответ на него слишком очевиден, поэтому прикусываю язык и не оканчиваю фразу. — Очень больно? — спрашиваю вместо этого.

Стыдно чудовищно.

— Нормально, — отмахивается Елагин.

Глубоко вздыхаю и тру виски. Действительно ничего не помню. Ярослав стал вести себя странно, я поймала себя на том, что мне в голову тоже полезли какие-то чужие, злые, неприятные мысли. А потом — темнота.

— Слав, у тебя были в юности прыщи? — уточняю у призрака, чтобы убедиться, что и он теперь опять в себе.

— Пф-ф... — откликается тот. — Может, и были.

Ну слава богу: он опять он, мой любимый добродушный призрак.

Убираю руки от лица и... с ужасом смотрю на кровь под своими ногтями. Три пальца — три царапины на шее Елагина.

— Кажется, это действительно очень плохой дом, — бормочу, наконец полностью поверив в реальность произошедшего.

— Еще какой, — соглашается Паша. — А некоторые квартиры и подвал — особенно. Ты как раз застряла напротив опасной точки и впитала в себя по полной.

Верно. Слава быстро ушел с того места, где стал вести себя странно, а я остановилась...

— Паш, прости, я...

Что «я»? «Я нечаянно»? «Я не со зла»? «Я до сих пор не понимаю, как действуют мои способности, и постоянно совершаю ошибки»?

— Я в курсе, — не дает мне договорить Елагин. — Аптечка под сиденьем. Достань, а? Там где-то был пластырь. — И он, морщась, снова оттягивает узкий ворот водолазки — видимо, так болит меньше.

— Да, я сейчас, — говорю быстро и наклоняюсь, чтобы достать необходимое, но напряженно замираю, опять наткнувшись взглядом на кровь на своих пальцах.

— А влажные салфетки в бардачке, — подсказывает Паша, верно поняв причину моей заминки.

Глава 10

— Пашке за терпение надо премию выписывать, а не отчитывать, — высказывается Ярослав, наблюдая за Елагиным через окно автомобиля.

Паша бродит взад-вперед, держа телефон у уха одной рукой, а вторую убрав в карман куртки; время от времени пинает ботинком ком снега или камень, разворачивается и бредет в другую сторону. И так уже минут десять: туда-сюда, туда-сюда. И, судя по его кислой мине, слушает он все это время далеко не комплименты.

— Да, Анжелика сегодня в ударе, — откликаюсь со вздохом, тоже продолжая следить за Елагиным из машины.

Морозно, а он в распахнутой куртке, без шапки и без капюшона, не простыл бы. Вон даже кончик носа покраснел от холода. Но назад не идет — сказал, чтобы я приходила в себя, а сам пошел отчитываться начальству, как и было велено.

— Я имел в виду за терпение твоих приколов, — уточняет призрак.

И я возмущенно оборачиваюсь к нему. Тот же и не думает отказываться от своих слов, смотрит на меня прямо и лишь разводит в воздухе руками. Мол, скажи, в чем я не прав.

А он... прав, конечно, что уж.

— Пожалуй, — признаю и снова поворачиваюсь к окну.

Единорог, который опять выглядит простой безобидной игрушкой, теперь неподвижен. А возле него девственно чистый, ровный снег — ни единого следа, кроме воробыных. Но сильно сомневаюсь, что легкий воробушек даже при большом желании смог бы раскачать эту конструкцию.

Что же это тогда было? И там, непосредственно возле дома, где в меня что-то вселилось. Хотя Паша говорит, не вселилось, конечно, а воздействовало. Тем не менее все равно мало приятного осознавать, что стоит тебе несколько минут постоять не в том месте не в то время, и твоими мыслями и желаниями завладеет кто-то другой.

— Интересно, — разговор Елагина и Старолева явно затягивается, и я, устав сидеть без дела, принимаюсь рассуждать вслух, — почему эту штука в доме так по-разному на нас подействовала?

— То есть? — не понимает Слава.

— Ну смотри. — Ерзаю на сиденье, устраиваясь поудобнее. В итоге усаживаюсь впол-оборота, так, чтобы видеть и призрак на заднем кресле, и Пашу на улице. — Ты рассуждал о сцене, о том, что ты не какой-то там, у тебя не может быть проблем с кожей и так далее.

— Да? — Ярослав задумчиво чешет нос. — Ну вроде что-то такое.

— Помнишь?

Пожимает плечами.

— Смутно.

Прищуриваюсь.

— И как ты себя чувствовал?

Снова пожатие плеч.

— Хорошо?

Звучит вопросительно, но я понимаю, о чем он.

— Вот именно: хо-ро-шо! — подхватываю. — Ты вдруг начал считать себя лучше других, в тебе проснулось ощущение своей значимости и важности.

— Ну-у, — неуверенно тянет призрак. — Допустим. А ты?

— А я почувствовала отвращение. Даже ненависть. Думала не о том, какая я расчудесная, а о том, как мне все осточертели. И даже... — Все же отвожу от него глаза. — И даже хотела попросить Руслана тебя развеять, лишь бы ты от меня отстал.

— Чего?! — Не смотрю на него, но не сомневаюсь, что у него сейчас глаза по пять рублей.

— Вот так, — каюсь.

— А почему Кондрашова тогда, а не Елагина? — в свою очередь задумывается призрак.
— Он же рядом был.

Бросаю на него хмурый взгляд.

— Ты меня спрашиваешь?

Ярослав хмыкает и замолкает. В салоне повисает тишина. Паша заглушил двигатель, видимо, думал, что разговор будет короче, и из-за этого радио молчит. Хорошо, что машина еще не успела остыть, да и я в верхней одежде. Однако уже становится прохладно. Снова бросаю взгляд на улицу: долго Энжи его там будет муржить?

— А может, эта штука вытаскивает на поверхность то, что у нас и так есть внутри? — вновь заговаривает призрак.

Поворачиваюсь к нему лицом.

— Думаешь, я желаю от тебя избавиться и сбежать из страны?

Ярослав в ответ гримасничает, но потом все же говорит серьезно:

— Думаю, в тебе много гнева и чувства «как вы все меня достали».

Ну разве что так. Возможно. Сразу приходит на ум Кондрашов с его «зайками».

— А в тебе, что ли, много сдержанного величия? — ухмыляюсь.

Нет уж, о ком о ком, а о Кондрашове сейчас и думать не хочу.

— Ну а то ж! — Призрак важно задирает нос к потолку.

Но это не более чем шутка. Здесь, в нескольких десятках метров от проклятого дома, мы в безопасности от чужого воздействия.

Вопрос: как теперь к нему опять подойти и не повторить фокус с безумием и царапанием? Морщусь при одной только мысли и еще раз на всякий случай осматриваю ногти: всю ли кровь вычистила.

А подходить придется. Дом явно не просто «плохой», а опасный. И если он способен менять поведение и живых, и мертвых, то бог знает, что еще в его силах. Единорог, опять же. Кто-то же его запустил. Но ни я, ни Паша, ни Слава не видели и не чувствовали в тот момент никакого колебания фона. Тогда что это?

— Блин... — Озабоченно закусываю нижнюю губу, видя, как Елагин делает очередной разворот. У него уже губы синие, но ему там явно читают такую лекцию, что ни до чего. — Может, ему шарф отнести? — Касаюсь своего, лежащего длинными хвостами на груди.

— Варезки и соску на веревочке не забудь, — язвит Ярослав. — В тебя там что, еще и нянечка вселилась? С чего такая забота?

Сама не знаю. Наверно, потому что стыдно, что по дурости его покалечила. А он и правда более чем терпелив. Только какой-то гадостью напоил и даже голос не повысил. Не отравил, опять же...

И вдруг мысль прерывается.

«В тебя там, что, еще и нянечка вселилась?» — повторяю про себя то, что только что сказал Ярослав.

Нянечка.

Вселилась.

Нет, дело, конечно, не в нянечке, а вот остальное...

— Слав... — Стремительно оборачиваюсь к призраку, и, видимо, у меня сейчас такое лицо, что он даже отшатывается от меня. — А если в людей действительно можно вселяться? Почему я ничего не помню, включая саму себя? Может, я тоже нечисть? Или нежить? Или кто там еще бывает? — Книга-то с классификацией сверхъестественных явлений в бардачке, и я ее еще не открывала. — Не просто же так я вижу тебя как живого. Вдруг я сама такая же? Вдруг вселилась в бедную Олю и потому не узнаю себя даже в зеркале?

Мне до ужаса страшно от этой идеи. А она внезапно становится такой яркой, такой реальной...

Вот почему я не ощущаю себя собой. Вот почему я ем в три раза меньше прежней Оли и все не то. Вот почему я не хочу мужа — я же никого не хочу. А если я какой-нибудь нематериальный дух, то это нормально, что мне чуждо все плотское. И...

Однако поток моих панических умозаключений прерывается хохотом Ярослава. Он так отчаянно смеется, что у него выступают слезы.

— Нечисть нашлась! Ой, не могу!

Обиженно поджимаю губы, смотря на него исподлобья.

— Очень смешно.

— Оль, ну какая нечисть?!

Не знаю. Может, и глупость сморозила. Будь я не человеком, должно быть, могла бы выходить из тела или еще что-то в этом роде.

Отвлечшись, пропускаю момент окончания разговора с начальством. Только вскидываю голову, когда распахивается дверца, впуская Пашу вместе с потоком морозного воздуха в салон.

— Капец, холодина, — ворчит Елагин, усаживаясь на водительское место, и сразу включает зажигание. — Ты чего не попросила ключ? Машина вся остыла уже...

— Паш, а я могу быть не человеком? — перебиваю.

Елагин как раз настраивает температуру в климат-контроле, видимо, чтобы сделать потеплее, и его рука замирает в воздухе.

— Чего? — повторяет он точь-в-точь как Слава.

Только смотрит так, что я вмиг начинаю чувствовать себя идиоткой. Тем не менее, раз уж начала, договариваю:

— Я могу быть действительно НЕ Олей? Подселенцем каким-то или...

— Ясно, — протягивает Паша и отворачивается, возвращается к прежнему занятию — тыкает на сенсорную кнопку, повышая температуру с девятнадцати градусов до двадцати одного. — Нет, — отвечает спокойно, будто я спросила, а не идет ли на улице снег, — не можешь. У тебя аура человека. Подселенцы выглядят не так.

Тяжело сглатываю. Значит, такое действительно бывает, и не только в фильмах ужасов про экзорцистов.

— А...

— Ты совершенно точно человек, — не дает он мне выдвинуть очередную безумную теорию. — Душа у тебя живого человека, а вот Ольги ли Кондрашовой — не знаю.

После настройки параметров интенсивность обдува увеличивается. В салоне повисает молчание, и слышно только, как климат-контроль гонит теплый воздух: «Ш-ш-ш»...

— Он так шутит, да? — с опаской в голосе уточняет Слава.

— Не похоже, — отвечаю вмиг пересохшими губами.

Когда шутят, потом же смеются, верно?

Глава 11

— Ну что ты на меня так смотришь? — Паша мученически возводит глаза к потолку.

А я да, смотрю. Что мне еще делать? Как я, в его понимании, должна реагировать на подобную информацию?

— То есть ты все это время... — начинаю и осекаюсь.

Задыхаюсь, мне не хватает воздуха.

Это что же, я действительно могу находиться не в своем теле? Как это? На меня напялили труп? Или где-то по городу бродит мое собственное тело с настоящей Олей, которая тоже ничего не помнит? Или...

Несколько минут назад моя теория про то, что я могу быть неизвестно кем, показалась мне пугающей и на какое-то мгновение до ужаса реальной. Но на мгновение же! И если смотреть правде в глаза, то, задавая этот вопрос Паше, я была абсолютно уверена, что он посмеется надо мной, как призрак, и скажет, что я сошла с ума, придумывая подобное. А я, получается, ткнула пальцем в небо и — попала?

— Какое «все это время»? — морщась, передразнивает Елагин. Опускает перед собой козырек и открывает зеркало, потом оттягивает горловину водолазки и, вытянув шею, рассматривает аппликацию из пластырей на своей коже. Один с краю отклеился, и он недовольно прижимает его пальцем. Естественно, клеевой слой уже испорчен: кончик опять отходит. Паша тяжело вздыхает и, бросив это неблагодарное занятие, возвращает козырек на место. — Я только в конце той недели убедился, что ты не ведешь какую-то свою хитроумную игру и не притворяешься.

— Или не «я», — напоминаю ему о том, что он сам же и сказал.

Паша одаривает меня усталым взглядом.

— Или ты вообще не Оля, — тем не менее кивает, не отказываясь от своих слов.

— Ты Руслану говорил?

— Говорил. — Надо отдать Елагину должное, тема ему не нравится, и развивать ее ему заметно не хочется, но взгляд он не отводит, не пытается свести все в шутку или в принципе меня игнорировать.

А мне снова не хватает воздуха, душно от таких новостей. И хоть моя собственная шея цела и невредима и никакие пластыри на ней мне не мешают, я нетерпеливо освобождаю ее от шарфа, а потом и вовсе сдергиваю его с себя и комкаю в руках.

— То есть Кондрашов названивает мне, зовет вернуться, пишет признания, зная, что я могу быть не его Олей?

В голове не укладывается. Ему что, все равно, кто там внутри хорошо знакомого ему тела? Это вообще здорово?

— Ну как «зная», — морщится Паша. — Я сказал ему о своих подозрениях, он ответил, что я фантазер, а ему виднее, ты это или не ты.

— И подозревая, что я это не я, ты все равно советовал мне схватить чемодан и бежать вслед за «мужем»?!

Другу он на слово, видите ли, поверил. Молодец, хороший друг. Но я-то не собственность Кондрашова, я живой человек. Неужели о своих теориях нельзя было сказать и мне? И может быть, тогда я не чувствовала бы себя такой неправильной. Может...

Елагин закатывает глаза.

— Нет, мне надо было с радостью прописать тебя у себя, — язвит. — Мало ли, что я там подумал. Этому нет доказательств.

— Но теперь подумала и я.

— И я тебе ответил, что меня тоже посещали такие мысли. Все.

На несколько мгновений замираем, глядя друг другу глаза в глаза. И, как ни странно, собеседник отводит взгляд первым. Отворачивается к лобовому стеклу, зачесывает пятерней волосы, упавшие на лоб от резкого движения головой. Поджимает губы, словно раздумывая, стоит ли продолжать этот разговор.

— Но так все-таки бывает? — не собираюсь сдаваться.

Однако Паша отрицательно качает головой, окончательно сбивая меня с толку.

— Я проверил, — отвечает, глядя прямо перед собой — на страшный дом, высящийся прямо по курсу от капота автомобиля, — нет ни одного официально зафиксированного случая обмена телами или вселения живой души в чужое тело.

— А в кино сплошь и рядом, — напоминает затихший было сзади Ярослав, тоже жутко заинтересованный поднятой темой — еще бы.

Бросаю на него предупреждающий взгляд: естественно, его это все тоже волнует, но вот сейчас лучше помолчать.

Слава корчит обиженную гримасу, тем не менее послушно изображает, как закрывает себе рот на невидимую молнию.

Я же вновь поворачиваюсь к Елагину.

— А неофициально?

Тот в ответ бросает на меня снисходительный взгляд.

— Разве что в голливудских блокбастерах.

— А я что говорил! — тут же подхватывает призрака. Как сговорились.

— Бывают подселенцы, которые только теснят хозяина тела, но никуда его не девают, — тем временем перечисляет Паша. — Бывает, что люди вспоминают все свои прошлые жизни, но тогда не забывают и нынешнюю. А бывает...

— ...просто амнезия и травма головы, — мрачно заканчиваю за него.

Елагин кивает.

— Вот именно. Ты чувствуешь в своем теле кого-то еще?

Ужасное предположение.

— Нет!

— И я вижу в твоём теле одну-единственную живую душу, — в свою очередь подтверждает Паша. — А судя по тому, что нам известно, — и под «нами» он явно подразумевает не нас с ним, а структуру ОБЭПов, — при таком раскладе твоё тело чужим быть не может.

Звучит логично.

— Но ведь все когда-то случается впервые, а официально фиксируется, наоборот, не все и не всегда, — и все-таки напоминаю очевидное.

Как бы подобная теория меня ни пугала, она невероятно заманчива хотя бы тем, что я не сломанная и не неправильная. Если Пашина версия верна, я просто — другая.

— Случается всякое, — невесело усмехается Елагин. — Вот вспомнишь все, тогда и узнаем правду.

И мне почему-то кажется, что не только мне, но и ему нравится теория про чужое тело. Потому что прежнюю Олю он терпеть не мог, а я, может, и раздражаю, но не так сильно.

— Так, хватит трепаться. — Паша вдруг встряхивается, хлопая себя ладонями по бедрам. — У нас дом-маньяк, а мы ласы точим. Надо идти.

— Туда? — Инстинктивно передергиваю плечами, смотря на громаду здания перед нами. Почему-то теперь оно кажется мне крупнее и более устрашающим.

— Туда, — со вздохом подтверждает Елагин, не считая нужным скрывать, что ему самому ужасно не хочется приближаться к этому гиблому месту. — Но сначала — к единорогу.

Звучит как план.

Глава 12

Тем не менее куда-то идти мы явно не торопимся. Елагин смотрит на дом, потом, с сомнением, на меня и снова — на дом.

— Прежде чем сунемся, тебе надо научиться ставить блок, — выдает затем безапелляционно, и все, что мне остается, только шире распахнуть глаза.

Легко сказать «нужно научиться». Я даже колебание фона замечаю только тогда, когда мне на него укажут.

— Так, смотри на меня, — велит Паша.

Смотрю. Елагин как Елагин. Обычный. Сосредоточенный сейчас разве что, серьезный очень.

— И? — спрашиваю прямо. — На что именно смотреть-то?

— Не видишь?

Нет, совсем ничего.

Качаю головой.

— А я вижу, — встречается Ярослав. — Его будто целлофаном облепило. — Оборачиваюсь к нему с явным непониманием на лице, и призрак перефразирует: — Ну, будто прозрачный слой вокруг, тонкий такой.

Прищуриваюсь, смотрю еще раз.

— Нет, — повторяю свой ответ уже вслух. — Ничего не вижу.

— Та-а-ак, — недовольно протягивает Паша, задумчиво барабанив пальцами по бедру в черных джинсах. — 3D-картинки знаешь? — Поворачивается ко мне.

— В смысле объемные? Конечно.

— Не просто объемные. А те, которые что-то вроде тренировки для глаз.

— Не уверена...

Елагин тяжело вздыхает (по-моему, к собственным увечьям по чужой вине он относится более терпеливо, чем к тому, что кто-то что-то не понимает с первого раза), однако пытается объяснить:

— Такие картинки, из повторяющегося узора. Да блин! — Достает из кармана телефон. — Сейчас. — Жду. — Вот. — Быстро найдя искомое, поворачивает аппарат экраном ко мне. На нем — ярко-желтые ананасы. Только нецелые, а порезанные горизонтальной линией, перемешанные и наслоившиеся друг на друга. — Смотри. На них потренируешься, тогда и ауру сможешь увидеть.

— Как именно смотреть-то? — Чую, что тут-то и скрыт подвох.

С первого взгляда, это просто ананасы. Безусловно, подобные картинки-загадки я видела и прежде, а вот умею ли находить то, что спрятано за ними, и как это делается, понятия не имею, не помню.

Елагин страдальчески возводит глаза к крыше автомобиля с таким видом, будто я спрашиваю о чем-то до ужаса элементарном.

— Несколько секунд смотри в центр рисунка, а потом уводи фокус, будто бы за картинку, словно хочешь посмотреть сквозь нее.

— Хм. — Забираю у него телефон и держу прямо перед глазами, пытаюсь следовать инструкции.

Ананасы.

— Если все сделаешь правильно, картинка как бы начнет разъезжаться.

Пытаюсь еще — все те же полуананасы.

— О, там котик! — радостно объявляет Ярослав, заглядывающий мне через плечо.

Хмурюсь.

— Какой котик?

— Увидела?! — вскидывает на меня глаза Паша.

Расстроено качаю головой.

— Нет. Слава подсказал.

— Та-а-ак, — в новом «таке» еще меньше терпения и больше раздражения. — Давай еще раз. — Выдергивает телефон из моих пальцев, что-то там тыкает и возвращает обратно. — Смотри опять.

На сей раз это какие-то пестрые цветы.

— А тут коробка! — почти мгновенно объявляет призрак.

Да как, блин?

— Ясно, — хмуро объявляет Елагин, возвращая себе телефон и убирая его в карман. — Давай тогда не глядя. Себя ты все равно не увидишь. Представь, что между мной и тобой стеклянная стена. Крепкая такая, ударопрочная.

— Пуленепробиваемая? — уточняю зачем-то.

— Да ради бога, — разрешает Паша. — Только живо представь, ярко, со всей фантазией. На фантазию вроде бы не жалуюсь, и представить что-либо не проблема.

Хорошо, пусть между нами будет толстое стекло, что-то вроде того, что стояло в кухонной двери Александры Матвеевны, пока его не разбило потусторонней воронкой. Голубоватое, рифленое, пропускающее свет, но не прозрачное, с цветочным узором...

— Ты издеваешься? — устало интересуется Елагин.

— Что?

— Ничего, в том-то дело.

— Ага, я тоже не вижу, — поддакивает призрак.

Вот же...

— Но я же представила! — Честное слово, не понимаю.

— Нужно не просто представить, но и поверить, — ворчит Паша, снова начав выбивать пальцами дробь на своей ноге.

Мрачный, как туча, нахмуренный.

— Не злись, — прошу виновато. — Я правда пытаюсь.

— Да не злюсь я, — отмахивается и поджимает губы, раздумывает, что со мной делать. Тащить к дому без защиты опасно, оставить в машине — так я, со своим проклятием, могу вляпаться и здесь.

Тоже все это прекрасно понимаю, а потому на подвиги, как говорится, впереди паровоза не рвусь. Жду, что решит.

А тем временем смотрю на его профиль. Сосредоточенное лицо, нахмуренные брови... Сейчас Паша совсем не похож на того улыбчивого парня с фото в нашей гостиной. Другой. Но все равно что-то в нем есть такое, что на него приятно смотреть — это я еще на той неделе для себя выявила. Какая-то такая, не слащавая, мужская красота. Даже странно, что в первую (да и во вторую, что уж там) нашу встречу мне так не показалось...

— Ладно, пойдем на кардинальные меры, — решает Елагин.

И я поспешно отвожу взгляд, пока он не прочел по нему, о чем я сейчас думала. А я, идиотка, еще как думала. Тоже мне, нашла время и место... и Елагина!

— Поищи в бардачке маркер.

Киваю, в глубине души довольная тем, что хотя бы это задание для меня простое и понятное, и, подавшись вперед, открываю дверцу.

Внутри книга Эммы Марковны, какие-то документы... Пистолет! И ведь не соврал же, правда «валяется» в бардачке...

— Точно тут? — уточняю с сомнением.

— Да, где-то там.

Ладно, перебираю предметы и дальше. Какие-то бумаги, уже выцветшие от времени чеки, чьи-то визитки, пачка презервативов...

— У-у, — стонет Паша, наблюдая за моими действиями. — Ты точно не специально издаваешься?

— Нет, — буркаю, отодвигая кондомы в сторону. Пачка, кстати, не вскрытая. — Просто у тебя тут не ящик, а Авгиевы конюшни!

— Зато пахнет не конюшней, а апельсинами, — огрызается Елагин. — Дай я сам.

После чего наклоняется в мою сторону, протягивает руку и не глядя, на ощупь, роется в бардачке.

Ха-ха, если бы это действительно было так просто. Там же на самом деле чего только нет. Что-то звенит, куда-то перекачивается. Прямо-таки ящик Пандоры на колесах.

Злорадно слежу за его действиями.

Я, конечно, в работе совершенная неумеха, но то, что у него в бардачке черт голову сломит, точно не моя вина. Даже странно, что при этом в квартире у Паши порядок. Может, тоже приходящая уборщица?

Процесс затягивается. В конце концов, Паша чертыхается сквозь зубы и почти ложится мне на колени, заглядывая в свой «волшебный шкаф». Осталось только влезть туда целиком...

Тяжело сглатываю, мысль прерывается. Кажется, я и правда зря рассуждала о своей сверхъестественной природе, которой чужды все плотские желания. Потому что на его близость внезапно реагирую вполне себе по-человечески. Очень даже по-человечески!

— Да вот он, в угол встал и застрял, — наконец-то провозглашает Елагин, извлекая из недр бардачка толстый черный маркер, и гордо демонстрирует его мне. — Говорил же, что там.

После чего отодвигается от меня и выпрямляется в своем кресле, а я только тогда выдыхаю с облегчением и, понимая, что мучительно краснею, торопливо отворачиваюсь к окну.

Вдох-выдох, спокойно, он ничего не заметил. Не мог заметить.

Зато я свою реакцию заметила и оценила в полной мере. Так, что теперь мне хочется провалиться под землю.

В новой жизни это мое первое чувственное желание. И в отношении человека, с которым мне предстоит не только работать, но и жить под одной крышей, такое в тысячу — в миллион! — раз хуже предшествующего невинного «на него приятно смотреть».

Я влипла.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.